

МИГРАЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ДИСБАЛАНСОВ

© 2023 г. И. П. Цапенко^{а,*}

^аНациональный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия

*E-mail: tsapenko@bk.ru

Поступила в редакцию 21.01.2023 г.

После доработки 30.01.2023 г.

Принята к публикации 05.02.2023 г.

Социальные дисбалансы служат причиной или лежат в основе практически всех миграций населения. Ввиду разнообразия и многомерности обоих процессов, множественности каналов их взаимодействия, встроенности в более крупные общественные тренды и наложения других факторов подобное влияние нелинейно, неоднородно, подчас неоднозначно. Тем не менее при рассмотрении дисбалансов в подобной миграционной оптике обнаруживается сопряжение их динамики с изменениями интенсивности, характера и направлений людских потоков. Во-первых, с тенденцией к сглаживанию глобального неравенства в доходах в условиях кризиса глобализации и других общественных сдвигов связано смещение восходящей динамики мобильности к скорее колебательной, подчас даже нисходящей. Во-вторых, при сохранении за социально-экономическими дисбалансами доминирующей роли в передвижениях населения повышается значимость социально-политических различий государств, особенно разрывов в безопасности условий жизни. Это проявляется в увеличении доли беженцев и лиц, ищущих убежища, в общей массе мигрантов. В-третьих, на фоне продолжающегося главенствования глобальной асимметрии мирового развития в определении миграционных магистралей усиливается действие дисбалансов регионального уровня, в контексте которого происходят подвижки в географии миграции, в частности, более интенсивное расширение миграционных коридоров между странами Юга в сопоставлении с другими маршрутами и мощный всплеск вынужденной миграции в Европе.

Ключевые слова: социальные дисбалансы, неравенство, дифференциация доходов, различия в безопасности жизни, международная миграция населения, факторы, динамика и география миграционных потоков, вынужденные перемещения.

DOI: 10.31857/S0869587323030131, EDN: SISQWR

Изменения в системе мироустройства сопряжены с нарастанием неравномерности и дефицита слаженности в развитии социальных процессов, обострением ряда социальных диспропорций и прочих деформаций и противоречий современных обществ. Подобные негативные

тенденции усиливаются в нынешних условиях общей турбулентности на планете. Типичные для нашего времени эскалация политической нестабильности и конфликтности, повышение экономической неустойчивости, учащение экстремальных погодных явлений и неблагоприятные климатические изменения способны не только усугублять действие существующих структурных различий, но и породить новые, в том числе временные диспаритеты, связанные с эпидемиями, природными бедствиями, войнами и т.п.

«“Эпидемическое” распространение кризиса в социальной сфере ведёт к тому, что напряжение и дисбалансы ощущаются по всем направлениям — страны и регионы, объекты социального управления, отдельные социально-демографические группы» [1, с. 140]. То есть в разбалансированности социальных процессов всё отчетливее просту-

ЦАПЕНКО Ирина Павловна — доктор экономических наук, заведующая сектором ИМЭМО РАН.

пают черты системности. Более того, как отмечается в докладе Программы развития ООН (ПРООН), посвящённом неравенству в современном мире, “то, что мы наблюдаем сегодня, — это гребень волны неравенства” [2, с. iii].

Эти сдвиги совпадают по времени с масштабными, зачастую резкими изменениями в международной миграции населения, побуждая искать связи между ними. Требуется исследование ряд вопросов. Что, собственно, понимается под термином “социальный дисбаланс”? Каковы механизмы влияния дисбалансов на миграцию? Как сказываются на интенсивности потоков масштабы и динамика дисбалансов в условиях радикальных изменений в мире? Как соотносятся подвижки в географии потоков с дисбалансами разного территориального уровня?

В настоящей статье поиск ответов на эти вопросы осуществляется с опорой на положения известных теорий миграции, результаты методологических разработок и эмпирических исследований отечественных и зарубежных специалистов в области социальных дисбалансов и миграции. В работе использованы данные статистики международных организаций (Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и др.), оценки экспертов в области миграции и социального неравенства, а также результаты собственных расчётов автора.

ТРАКТОВКИ ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Хотя термин “социальный дисбаланс”, ёмкий и динамичный по коннотации, уже широко вошёл в научный оборот, его значение пока не устоялось. Российские авторы толкуют это словосочетание по-разному. Например, как несинхронность и разновекторность, или рассогласованность трендов социального развития общества [3, с. 39]. Либо как некоторое состояние общества, совокупность внутренних и внешних противоречий которого не даёт ему развиваться стабильным, предсказуемым образом [4, с. 1]. Или как “достигшие критических масштабов... диспропорции в структуре, тенденциях развития, интересах, отношениях, механизмах взаимодействия, качественных характеристиках... системы на разных её иерархических уровнях” [5, с. 7].

Опираясь на подобные трактовки, социальный дисбаланс можно определить как *социальную динамику, отклоняющуюся в негативную сторону от нормальной или нормативной траектории и характеризующуюся явным недостатком или отсутствием связанности и стройности, несовпадением*

векторов, подчас разнонаправленностью развития отдельных сфер и других слагаемых общества. Этот термин можно интерпретировать и в качестве социального состояния, вызванного подобной динамикой — как серьёзные асимметрии и несоответствия между отдельными элементами структуры общества и в целом неравновесие, дисгармония и дезинтеграция социума. А это чревато накоплением в социуме конфликтного потенциала, “генерированием сейсмической энергии, выброс которой неизбежно... произойдёт” [6, р. 30].

При оценке влияния тех или иных факторов на миграцию широко применяются данные об аккумулярованной численности международных мигрантов на определённую дату, обычно на конец года. В соответствии с рекомендациями ООН 1998 г. по ведению статистики международной миграции населения международными мигрантами считаются лица, сменившие страну обычного проживания¹. А в статистической практике ООН к ним обычно относят лиц, родившихся за пределами страны проживания². Накопленная за относительно продолжительный период массовая численность мигрантов из одной страны, проживающих в другой, может указывать не только на устойчивые связи между этими государствами, но и на долговременные разрывы в их социальном развитии и положении или на структурные, возможно, хронические, дисбалансы.

Однако более чутким индикатором изменений в условиях жизни в разных странах служат объёмы и динамика миграционных потоков, демонстрирующих быстроту, хотя и нередко кратковременность реагирования на текущие сдвиги в процессах расслоения в государствах, в том числе на возникновение новых очагов нестабильности и дифференциации. Согласно Руководству ООН 2017 г. по статистике миграции, миграционные потоки определяются как совокупность мигрантов, въезжающих в определённую страну или выезжающих из неё (то есть как число людей, меняющих страну обычного проживания) в течение определённого периода, обычно года [7, р. 10]. ООН ведёт на постоянной основе сводную статистику численности (“накопленных запасов”) международных мигрантов, проживающих за пределами стран происхождения, которая охватывает практически все страны. Однако официальные общемировые данные по людским потокам пока отсутствуют. Подобная информация собирается преимущественно по странам гло-

¹ Проживающие за пределами страны происхождения от 3 до 12 месяцев считаются краткосрочными мигрантами, более года — долгосрочными.

² Инструкция ООН 2017 г. по измерению миграции предлагает изменить дефиницию международных мигрантов, ограничив их круг лицами, находящимися более года за пределами страны обычного проживания [7].

бального Севера (ОЭСР, Евростат и ООН), в том числе России (Росстат), либо по отдельным потокам, в частности, вынужденным (УВКБ ООН, Центр мониторинга внутреннего перемещения).

Учитывая недостаток надёжной сопоставимой статистики мировых миграционных потоков³, об их масштабах и динамике также можно судить по аналоговым (прокси) показателям нетто-миграции и сдвигов в численности мигрантов в целом и их отдельных групп. Подобные “непрямые”, скорее косвенные, индикаторы потоков фактически результируют входящие и исходящие, в том числе возвратные, потоки и отражают изменения в статусе конкретных когорт приезжих.

МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДИСБАЛАНСОВ НА МИГРАЦИЮ

Миграционная теория объясняет передвижения населения разными причинами. Так, положение неоклассического учения об обусловленности сбалансированного роста эффективным использованием факторов производства предполагает, что перемещения рабочей силы определяются территориальной дифференциацией цен на неё (М. Тодаро, Дж. Харрис, Дж. Тэйлор и др.) [10]. В структуралистской концепции зависимого развития миграция служит отражением отсталости и неравного положения в мире его менее развитой части (А. Франк, П. Баран). Рассматриваемое с такой позиции “голосование ногами” предстаёт как ответная реакция населения на несправедливость современного мироустройства [4, с. 8]. Но, пожалуй, основополагающей в этой области стала предложенная американским социологом-функционалистом Е. Ли теория факторов выталкивания и притяжения, в основе действия которых, по сути, лежат те или иные территориальные различия, под влиянием информации о которых индивид принимает решение о миграции.

Дальнейшее развитие миграционной теории, в том числе в трудах таких известных исследователей, как Дж. Борхас, Х. де Хаас, Д. Мэсси, Р. Скелдон и др., способствовало утверждению в качестве её мейнстрима представлений о том, что ключевыми детерминантами и движущими силами массовых передвижений населения служат многоплановые различия в экономическом, социальном, политическом развитии и положении

государств и их групп. Миграция видится “могущественным символом неравенства между странами” [11, р. 1] и следствием последнего.

Хотя упомянутые теории не дают универсального объяснения всего многообразия людских передвижений, объединяющее в методологическом плане эти теории видение разного рода *дисбалансов* в качестве главных причин миграции побуждает рассмотреть этот вид мобильности в оптике различий и деформаций. “Международная миграция служит мощным выражением желания людей улучшить жизненные условия в мире большого неравенства... поиск лучшей доли стоит почти за любой конкретной миграционной историей” [12, р. 129], будь то стремление получить престижное образование, хорошо оплачиваемую работу и возможности полноценной профессиональной реализации, воссоединиться с семьёй, обеспечить достойное будущее детям, покинуть зоны конфликтов и природных катастроф и т.п. С позиции подобного подхода, миграции практически всегда происходят под влиянием тех или иных дисбалансов. И это в целом определяет магистральную направленность движения населения из бедных, неблагополучных и нестабильных регионов в более богатые, благополучные и стабильные.

Ключевую роль в многолетних устойчивых передвижениях населения играют структурные многомерные разрывы в уровне и качестве жизни (материальный достаток, состояние систем здравоохранения, образования, социального обеспечения и др.) в разных частях планеты. Особенно заметно влияние дифференциации доходов⁴. Причём оно сказывается не только на реальных, физических перемещениях людей, но и на виртуальных — на *телемиграции*. Показательно, что, хотя из стран со средним уровнем душевого валового национального дохода (ВНД), согласно классификации и терминологии Всемирного банка, происходит основная часть международных мигрантов в мире (63% в 2020 г.), данный показатель заметно меньше доли этих государств в населении планеты (75% в 2020 г.). А коэффициент эмиграции⁵ из стран средней группы (2.9% в 2020 г.) ниже, чем аналогичный показатель стран с низким уровнем дохода (5.2%)⁶. Закономерно, что именно бедные страны, которые по душевому ВНД уступают остальной части мира, а значит,

³ Ярким примером расхождений в оценке объёма одного и того же потока может служить несостыковка информации статистического офиса Польши об отъезде в 2006 г. 15 тыс. граждан этой страны в Германию и данных аналогичной службы последней об иммиграции туда 164 тыс. поляков за тот же год. Причина тому — национальные различия в статистическом учёте: охват им в Польше только безвозвратных эмигрантов, тогда как в Германии — всех зарегистрированных иммигрантов [8, р. 6]. Заметные вариации выявлены и в оценках эмиграции россиян отечественными и зарубежными статистическими ведомствами [9].

⁴ Например, выявлено, что вероятность миграции из одной страны в другую повышается на 10 п.п. при разнице в среднегодовых заработках в этих государствах более чем на 2 тыс. долл. [13, р. 130].

⁵ Отношение накопленной численности эмигрантов из определённого ареала к суммарной численности выехавших и остающихся на родине жителей этого ареала.

⁶ Рассчитано по [14].

отстают социально-экономически от стран назначения, наиболее подвержены оттоку населения.

Направленность большинства людских передвижений из менее развитых ареалов в более развитые вызывает ассоциации с перемещением вещества между сообщающимися сосудами. Однако механизмы влияния дисбалансов на миграцию гораздо сложнее действия законов “социальной физики”. В силу разнообразия и многомерности дисбалансов и миграций, каналов взаимодействия между ними, многоплановости и противоречивости эффектов указанных процессов взаимосвязь между последними нелинейна и неоднозначна⁷: Интенсивность перемещений между конкретными странами зачастую не соответствует диапазону социально-экономических различий между ними. Так, повышенный (по сравнению со странами средней группы) показатель эмиграции из государств с высоким уровнем дохода (4.1%), ориентированной преимущественно на других участников этого клуба, может объясняться не только разницей в их душевом ВНД. Сказываются разнообразие профессиональных и иных социальных возможностей и перспектив, особенно значимых для образованных слоёв, а также влияние ряда других социальных условий, на которые накладывается действие иных факторов миграции и более крупных общественных процессов.

Согласно структуралистской теории мировых систем (И. Валлерстайн) и теории миграционного перехода (В. Зелинский), интенсификация миграции сопряжена с втягиванием в орбиту глобализации стран периферии, модернизацией их обществ и разрушением традиционных структур. Эти положения соответствуют результатам ряда исследований, в соответствии с которыми наиболее высокие показатели миграционной активности демонстрируют не жители самых бедных стран, лишённые необходимых финансовых, социальных и информационных ресурсов для смены страны проживания, а население государств со средним уровнем дохода, переживающих рыбок в развитии [16] и сопряжённый с этим рост доходов и уровня образования, что расширяет возможности и усиливает мотивацию переезда. Однако миграционная активность населения стран средней группы заметно снижается, когда душевые доходы последних приближаются к верхним значениям, пограничным со странами с высоким уровнем дохода [17].

Существование подобных миграционных впадин и горбов говорит о сложности и нюансиро-

ванности связи между миграцией и ножницами в доходах. В то же время на уровне отдельных стран, относящихся к одной и той же группе по уровню доходов, а также субрегионов показатели эмиграции существенно варьируются.

Действительно, в 2020 г. коэффициенты эмиграции из Центрального, Восточного и Западного ареалов Африки, многие страны которых относятся, согласно классификации ООН, к числу беднейших, наименее развитых, были весьма низки (всего 2.4–2.6%). При этом данный показатель достигал достаточно высоких отметок в ряде государств беднейшей группы, в том числе Сомали (11.3%), ЦАР (14.5%), Эритрее (18.5%) и Южном Судане (18.7%). Заметен разброс этого индикатора и между территориями Латинской Америки с доходами выше среднего, в частности, между пространствами Южной Америки (3.9%), Мексики и Центральной Америки (8.3%) и небольших островных государств Карибского бассейна (17.3%), включая Монсеррат (83.1%)⁸. Последние традиционно отличаются повышенными миграционными показателями в силу территориального фактора.

Подобная дифференциация коэффициентов эмиграции носит повсеместный характер, проявляясь во всех частях планеты и рассматриваемых группах стран. Это касается и государств с высоким душевым ВНД, где веер значений миграционного показателя раскрывается от близких к нулевым в Омане (0.5%), Саудовской Аравии и США (0.9) до весьма высоких в Португалии и Румынии (17%), а также Хорватии (20%)⁹. При общей направленности миграции в экономически более развитые и благополучные страны зависимость её интенсивности от уровня дохода отдающей страны носит характер “мягкой” закономерности, которую уточняет и корректирует действие ряда тенденций. Более того, гораздо сильнее, чем межстрановые диспропорции в доходах, на миграцию могут влиять различия в уровне развития демократии, качестве государственного управления и функционировании институтов, в том числе в сфере социального обеспечения и на рынке труда, состоянии законности, соблюдении прав человека и гражданских свобод [12, 18, 19], а также в ценностных системах. Например, отечественные исследователи С.В. Рязанцев и А.Д. Брагин объясняют случаи увеличения эмиграции из России в ряд стран, происходившие в периоды экономического роста на протяжении нулевых и десятых годов, несовершенством национальной политической системы [20].

Ещё больший эффект могут вызывать территориальные дисбалансы в безопасности жизни, ко-

⁷ Как свидетельствует большой ряд исследований, сама миграция, несущая множественные и противоречивые последствия, также способна порождать, усиливать или же сглаживать социальные дисбалансы в отдающих и принимающих странах (см., например [15]).

⁸ Рассчитано по [14].

⁹ Рассчитано по [14].

торые можно оценивать по таким параметрам, как отсутствие/наличие, экстремальность/латентность, масштабность/локальность и т.п. социальных, в том числе военных, конфликтов, насилия и преступности, неблагоприятных природных явлений, рассматриваемых как отклонение от нормального или нормативного состояния общества. Подобные расхождения задают координаты вынужденной миграции, в генерировании которой, в отличие от миграции, считающейся добровольной (трудо­вой, учебной семейной), присутствует элемент принуждения, в том числе угроза жизни, здоровью и свободе в результате политических преследований и конфликтов, а также природных или техногенных катаклизмов.

Поскольку низкому уровню социально-экономического развития традиционно сопутствуют хрупкость демократии, нарушения прав человека, политическая нестабильность, войны и др., распространена точка зрения, что широко­масштабная вынужденная миграция происходит главным образом из ограниченного круга стран с низким уровнем дохода, находящихся в состоянии затяжных гражданских войн. Пример тому — такие крупнейшие доноры беженцев, входящие в первую десятку мира по численности последних, как Афганистан (2.7 млн граждан которого, согласно данным УВКБ ООН, в конце 2021 г. проживали за границей в качестве беженцев), Южный Судан (2.4 млн), Демократическая Республика Конго (908 тыс.), Судан (825 тыс.), Сомали (777 тыс.), ЦАР (737 тыс.), Эритрея (512 тыс.) [21]. Однако возникновение конфликтов и вызванных ими миграционных кризисов в Сирии (6.8 млн беженцев), Венесуэле (4.6 млн), Мьянме (1.2 млн), Ираке в начале нулевых годов и на Украине с 2014 г. говорит о том, что в условиях нарастания нестабильности в мире социальные потрясения и массовый вынужденный исход населения перестали быть атрибутами лишь бедных стран [22, р. 102].

Хотя факторы выталкивания и притяжения населения, сопряжённые с мировой демографической асимметрией, относятся к числу важнейших причин миграции [10], подобный пере­кос влияет на миграцию не столько сам по себе, сколько косвенно, через его проявления в глобальных контрастах ситуации на рынке труда и в сфере социальных услуг, в давлении молодёжи на рынок труда в развивающихся регионах и бремени содержания пожилого населения в развитых. При этом «влияние демографических тенденций на миграцию двойственное: страны с самым быстрым ростом или наибольшей плотностью населения не демонстрируют повышенной склонности последнего к миграции» [23].

При взаимоналожении разных дисбалансов, в том числе латентных диспаратетов, могут прева-

лизовать такие различия, которые предполагают переезд в ареалы с более низким уровнем социально-экономического развития, в частности с глобального Севера на Юг. Подобные передвижения, считающиеся добровольными, совершают «цифровые номады», привлекаемые территориями с благоприятной экосистемой для дистанционной работы на заказчиков из третьих стран и близостью таких территорий к основным клиентским странам; пенсионеры, притягиваемые более благоприятными климатическими условиями и более низкой стоимостью жизни; репатрианты, психологически привязанные к родному месту, и т.п.

Даже в случае вынужденной миграции, когда, казалось бы, чем резче и разрушительнее социальные и природные катастрофы, чем сильнее нарушения прав и свобод населения, чем разительнее контраст между опасностью и безопасностью, тем шире и интенсивнее должны быть перемещения на самые безопасные территории, — зачастую такие передвижения в развивающемся мире происходят между соседними или близко расположенными странами, имеющими более (но не полностью) безопасные условия. В 2021 г. 72% беженцев и приравненных к ним категорий мигрантов проживали в находящихся рядом с кризисными регионами странах. Основную нагрузку от притока вынужденных мигрантов, прежде всего беженцев, несут государства глобального Юга: в конце 2021 г. в странах с низким и средним уровнем дохода проживало 83% людей, перемещённых через границы (в том числе в наименее развитых странах — 27%): в Турции (3.8 млн), Колумбии (1.8 млн, включая венесуэльцев, перемещённых за границу), Пакистане (1.5 млн), Уганде (1.5 млн) [21, р. 2].

Кроме того, социальные дисбалансы не всегда приводят к накоплению миграционного потенциала и тем более к миграции. Выявлено, что различия в степени неравенства внутри стран сами по себе не оказывают принципиального влияния на потоки между ними [24]. Однако и межстрановым разрывам в доходах, и различиям в безопасности жизни нередко сопутствует имобильность, в том числе вынужденная, больших групп населения, сопряжённая с миграционными рестрикциями, вводимыми государствами исхода и назначения¹⁰. Имеет значение и отсутствие у людей логистических и финансовых возможностей для переезда в критических условиях, а также нежелание покинуть опасные территории, что чревато попаданием таких групп, в первую очередь самых обездоленных, в капканы войн и природ-

¹⁰В ряде исламских стран, в частности Афганистане, дискриминация женщин распространяется и на возможности их выезда из страны, препятствуя последнему.

ных бедствий¹¹. То есть характер и интенсивность влияния дисбалансов на миграцию в немалой мере зависят от конкретного контекста, подчас конкретных ситуаций, сказывающихся на готовности людей к переездам и возможности их осуществления.

Хотя зависимость миграции от дисбалансов очевидна и закономерна и основные маршруты движения населения пролегают из бедных, неблагополучных и нестабильных регионов в более богатые, благополучные и стабильные, эта связь нелинейна, имеет специфические проявления и отклонения. Наличие и характер подобного сопряжения зависит от типов и конкретных проекций дисбалансов и миграций. Сказывается и сложность механизма миграционного влияния дисбалансов, включающего немалое количество опосредующих звеньев, его встроенность в архитектуру ключевых тенденций и других процессов общественного развития, воздействие на него конкретных сопутствующих факторов.

ИНТЕНСИВНОСТЬ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ: ПЕРЕМЕНЧИВАЯ ДИНАМИКА

ООН фиксирует заметный и непрерывный прирост накопленной численности международных мигрантов в нынешнем столетии: среднегодовые темпы составляли 2% в 2000–2005 гг., 2.9 в 2005–2010 гг., 2.3 в 2010–2015 гг. и 2.5% в 2015–2020 гг. [14]. В то же время вариация значений этого показателя не позволяет выявить долгосрочный тренд в динамике потоков. Последняя, скорее, носит колебательный характер, отражая общую экономическую, политическую и экологическую нестабильность в мире.

Подобные волны людских передвижений чётко прослеживаются ОЭСР в постоянной иммиграции в страны этой организации. В начале XXI в. отмечалось расширение направленных туда потоков в условиях экономического подъёма, высокого спроса на иностранный труд и экспансивной миграционной политики. Эта политика была ориентирована на привлечение дефицитных категорий постоянных и временных работников, в особенности высококвалифицированных специалистов в сферах цифровых, биомедицинских, зелёных и т.п. технологий, а также студентов и допускала въезд воссоединяющихся и сопровождающих членов семей и других иностранцев по гуманитарным основаниям. Однако

¹¹ В 2020 г. из-за пандемии подавляющее большинство государств полностью или частично закрыли свои границы, в том числе почти 100 стран – для лиц, ищущих убежища, и возникла трёхмиллионная когорта “застрявших” мигрантов, в результате чего, по оценкам УВКБ ООН, потоки беженцев и лиц, ищущих убежища, были почти на 1.5 млн меньше объёма, ожидавшегося исходя из тенденций вынужденного перемещения за последние 20 лет [25, р. 5].

расширение потоков сменилось их сужением, вызванным глобальной рецессией 2008–2009 гг.: их объём сжался в 2011 г. на 15% по сравнению с уровнем 2007 г. Напротив, за 2012–2016 гг. постоянная миграция в страны ОЭСР испытала существенный рост – на 35%, главной причиной которого стали войны и конфликты в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, породившие поток беженцев оттуда в Европу. А в период коронакризиса 2020 г. приток постоянных мигрантов вновь заметно, на 25%, ослаб по сравнению с 2019 г. В 2021 г. он, напротив, после снятия жестких противоэпидемических и иных ограничений вырос на 22%, но не достиг доковидного уровня (рис. 1).

Для расчёта показателей мировых миграционных потоков широко используются экспертные методы. В частности, так называемые синтетические оценки двусторонних потоков между парами стран базируются на данных о миграционных коридорах – взаимной численности мигрантов, проживающих на определённый момент в выбранных парах стран и происходящих из этих же стран (количество приезжих из первой страны во второй и наоборот, то есть друг у друга)¹².

Примером комплексного использования разных экспертных методик для вычисления объёмов современных мировых потоков и варьирования результатов таких расчётов в зависимости от их алгоритмов служат исследования, проведённые зарубежными демографами Г. Абелом и Дж. Кохэнном. По разным оценкам этих учёных, за 2015–2020 гг. поменяли страну проживания от 35 до 95 млн человек, что вполне согласуется с данными ООН об изменении численности международных мигрантов за указанный период.

Подобная интенсивность людских передвижений вполне соответствует масштабности мировых социальных дисбалансов [2], среди которых особенно резки контрасты имущественной поляризации жителей планеты. Так, в 2021 г. на низшую, малоимущую половину человечества приходилось лишь 2% глобального богатства, тогда как на высшие, самые состоятельные 10% население

¹² Эти данные заносятся в таблицы сопряжённости, или контингентности, в столбцах которых приводятся данные о численности мигрантов по странам происхождения, а в строках – по странам проживания. Оценки осуществляются на основе трёх методологических подходов. В рамках первого используются данные об изменениях во взаимной численности мигрантов в выбранных парах стран происхождения и назначения или же совокупностях таких пар, чтобы определить потоки за период в конкретном направлении. Второй предполагает использование данных о миграционных запасах для расчёта коэффициентов миграционных потоков, которые применяются к численности населения, обладающего миграционным потенциалом. Третий подход опирается на результаты учёта населения для согласования изменений в численности мигрантов и показателей естественного прироста [28].

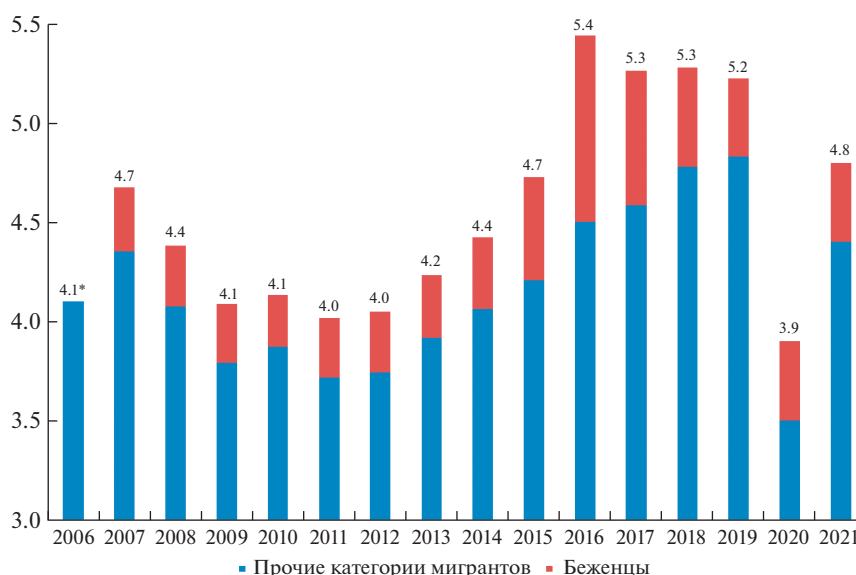

Рис. 1. Потоки постоянных мигрантов в страны ОЭСР, 2006–2021 гг., млн

*Отсутствуют данные за 2006 г. с разбивкой по категориям мигрантов.

Составлено по [26, р. 21; 27, р. 16].

ния планеты – 76% всего мирового имущества, на 1% – 38%, на 0.1% – 11% [29, р. 3, 27].

Кроме того, оценки динамики перемещений, предложенные Г. Абелом и Дж. Кохэном, отчасти перекликаются с данными ООН о темпах роста численности мигрантов. В 2000–2010 гг. абсолютные и относительные величины глобальных потоков за пятилетние периоды существенно выросли, в том числе и в период глобальной рецессии, когда на фоне сужения потоков в страны Севера наблюдался рост возвратных потоков отсюда и их переориентация на другие регионы. Однако в 2010–2020 гг. в оценках этих исследователей обнаружилась некоторая разновекторность изменений в динамике потоков, которая представляется весьма символическим проявлением и трансляцией неоднозначности и неравномерности происходящих общественных сдвигов. При этом поступательная динамика потоков, как правило, слабеет, и просматриваются признаки смены её вектора на нисходящий (рис. 2 а, б).

Торможение миграционного движения населения в целом соответствует глобальному долговременному (хотя и замедлившемуся в условиях ковидной пандемии) тренду к сглаживанию одного из ключевых социальных дисбалансов – межстранового неравенства в доходах. За 2000–2020 гг. соотношение средних доходов верхнего дециля жителей богатейших стран и нижней половины населения беднейших стран сократилось с 10 до 8.7, а индекс Джини глобального неравенства снизился с 0.72 до 0.67 благодаря интенсивному росту экономики Китая и некоторых других

стран Азии, относящихся к числу крупных доноров мигрантов [29, р. 13, 56; 31].

На тенденцию к ослаблению неравенства в доходах накладывается действие ряда других процессов, также оказывающих сдерживающее воздействие на мобильность, прежде всего добровольную. Интенсивная глобализация экономики и социальной сферы, способствовавшая интенсификации людских передвижений, сменилась кризисом глобализации с тенденциями к разрыву многих прежних экономических и социальных связей и взаимодействий. Процесс *деглобализации* усилило обострение международно-политических противоречий и эпидемических угроз. Всё это сказалось в ужесточении антимиграционных ограничений по соображениям национальной безопасности: в целях противодействия терроризму, охраны здоровья населения, защиты местных рынков труда и др. Выставление и повсеместное распространение антиковидных заграждений практически во всём мире в 2020 г. привели к резкому сокращению передвижений почти до их полной временной остановки¹³.

Миграционные меры всё активнее используются в политических целях как инструмент миграционной дипломатии в рамках более широкой геостратегии. Например, в период президентства Д. Трампа, отмеченного усилением пограничных кордонов, под запреты на въезд в США (*extreme vetting*) попадали граждане 13 государств, в том

¹³ По оценкам ООН, накопленная численность мигрантов, составившая 281 млн в 2020 г., в отсутствие пандемии была бы на 2 млн больше [32].

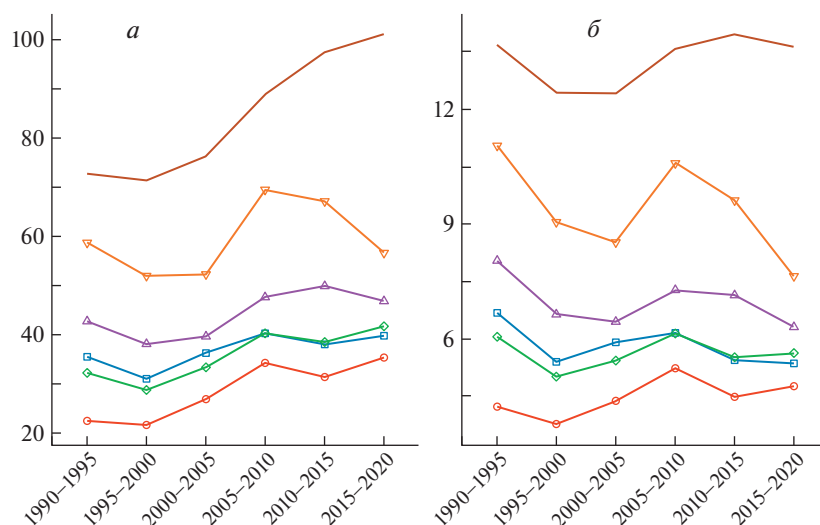

Рис. 2. Динамика миграционных потоков:

a – оценки мировой численности лиц, сменивших страну обычного проживания в течение пяти лет, млн человек;
б – оценки доли лиц, сменивших страну обычного проживания в течение пяти лет среди населения мира, %

Цвета линий на графиках соответствуют разным статистическим методикам оценки потоков (полноцветный вариант рисунков к статье доступен в электронной версии журнала).

Источник: [30].

числе КНДР, Ливии, Ирана и Йемена, наряду с которыми серьёзным рестрикциям подвергались и подданные других территорий, включая Китай. Не менее яркий и наглядный пример – включение миграционных препон и заграждений в арсенал санкционной борьбы недружественных государств против России и её граждан. Символом подобного курса стал провозглашённый руководством Эстонии и поддержанный властями ряда государств ЕС лозунг “посещение Европы – это привилегия, а не право человека”. Сказываются изменения в характере самой миграции и миграционной политики. Среди них – замещение переселенческих форм мобильности краткосрочными, не учитываемыми в статистике численности мигрантов, “виртуализация” части перемещений благодаря распространению трансграничной удалённой занятости и учёбы.

В то же время тренду к ослаблению потоков противостоят контртенденции в эволюции вынужденных перемещений. В условиях нарастания политической нестабильности и экологического неблагополучия в мире расширяются неблагоприятные и опасные для обитания кризисные ареалы. Соответственно среди факторов миграции повышается значимость разрывов в состоянии такого ключевого параметра качества жизни, как её безопасность. Усиливается и волатильность потоков, свойственная обстановке турбулентности. По оценкам ПРООН, число проживавших в 50-километровых зонах конфликтов возросло с 555 млн в 1990 г. (10,5% населения мира) до 1,2 млрд (15,5%) в 2020 г., при этом около

4,5 млрд обитали в странах, в той или иной мере затронутых конфликтами [33, р. 87, 88]. По оценкам американских политологов, в XXI в. увеличилась доля населения планеты, проживающего в странах, которые эти учёные относят к авторитарным или недемократическим [34].

Материалы австралийского Института экономики и мира свидетельствуют об утроении частоты природных бедствий за последние четыре десятилетия [35]. Неблагоприятные экологические изменения сказываются в увеличении числа людей, страдающих от голода и недоедания – с 607 млн в 2014 г. до 720–811 в 2020 г. [33, р. 51]. Люди сталкиваются не только с большими, но и качественно иными – “антропоценными” рисками, которые “отражают новую сложную взаимосвязь планетарных изменений и социального дисбаланса” [36, с. 56].

Потоки вынужденных мигрантов (беженцы и аналогичные им категории мигрантов, лица, ищущие убежища, лица, перемещённые внутри страны, и лица без гражданства) отличаются внезапным возникновением и особо резкими колебаниями. Влияние природных бедствий обычно (но далеко не всегда) более кратковременно, что позволяет экологическим мигрантам (люди, покидающие места обычного проживания из-за негативных изменений среды обитания [37, р. 65]) возвращаться в родные места по мере прекращения таких катаклизмов и ликвидации их последствий, в отличие от затяжного характера многих политических конфликтов, продолжительного

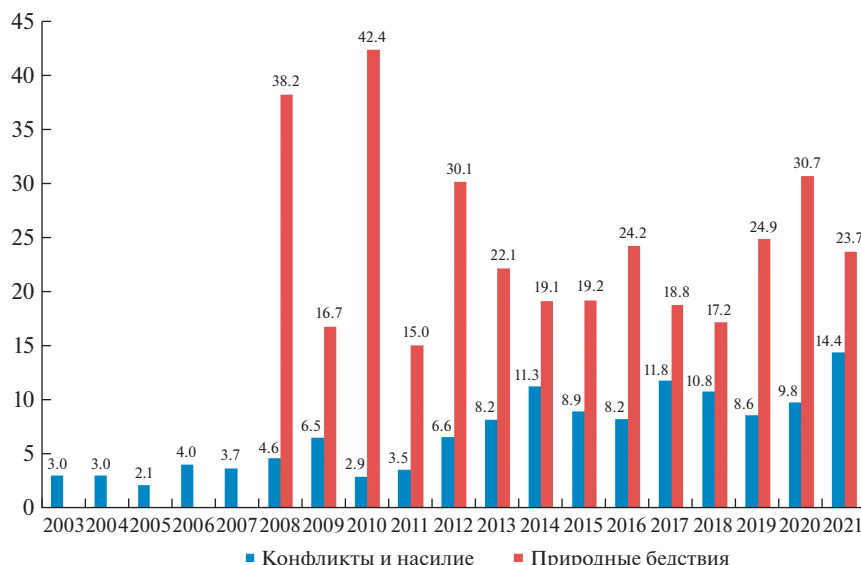

Рис. 3. Число вновь перемещённых лиц в результате конфликтов, насилия и природных бедствий в течение года, 2003–2021 гг., млн
Составлено по [40].

пребывания у власти недемократических режимов, что препятствует обратному движению и нередко вынуждает к вторичным, в том числе трансграничным миграциям [38]. В результате новые контингенты регулярно, почти из года в год пополняют совокупную (накопленную) численность лиц, ранее перемещённых под действием политических причин и не имеющих возможности вернуться на прежнее место, например, афганских беженцев в Пакистане и Иране, выходцев из Южного Судана в Кении, Судане и Уганде.

Более того (после окончания в середине нулевых годов периода снижения численности вынужденных мигрантов), сила волн беженства вновь нарастает, происходит как абсолютное, так и относительное (по отношению к населению мира) увеличение числа перемещающихся из страны в страну лиц. Согласно материалам ООН, вынужденные трансграничные людские потоки укрупняются в относительном выражении наиболее интенсивно и опережают по динамике передвижения, считающиеся добровольными. С 2005 по 2020 г. число беженцев и лиц, ищущих убежища, увеличилось почти в 2.5 раза (с 14 млн до 34), а их доля в общей массе международных мигрантов (умножившихся за этот период менее чем в 1.5 раза: с 191 млн до 281 млн) возросла с 7.2% до 12% соответственно [14]. При этом увеличивается число стран происхождения потоков беженцев, в том числе крупных передвижений — более 5 тыс. человек в год [39]. Хотя быстрый рост указанных показателей в какой-то мере можно списать на расширение списка территорий, за которыми

УВКБ ООН ведёт статистическое наблюдение [22], само существование этой тенденции как реакции на нестабильность мира в XXI столетии очевидно.

Это подтверждают и данные Центра мониторинга внутреннего перемещения (ЦМВП), которые свидетельствуют о том, что численность лиц, вновь перемещённых в связи с конфликтами и насилием в течение 2021 г. внутри стран (число новых случаев перемещения за год), достигла 14.4 млн — наивысшего уровня в этом веке. Наряду с этим в связи с природными бедствиями родные места оставили ещё более многочисленные когорты — 23.7 млн (рис. 3).

Приведённые данные позволяют говорить о том, что среди причин мобильности повышается значимость политической нестабильности и экологического неблагополучия, преломляющихся в расслоении стран по уровню безопасности жизни. В то же время эти факторы могут сдерживать передвижения, в том числе добровольные, самые массовые, нарушая привычные модели переездов и порождая вынужденную иммобильность; они интенсифицируют действие сил, выталкивающих население с прежних мест проживания. В результате происходит укрупнение вынужденных перемещений, повышение их доли в составе людских потоков и в целом усиление вынужденного характера современных миграций. Действие обозначенных факторов и вызываемых ими тенденций проецируется и на обозримую перспективу.

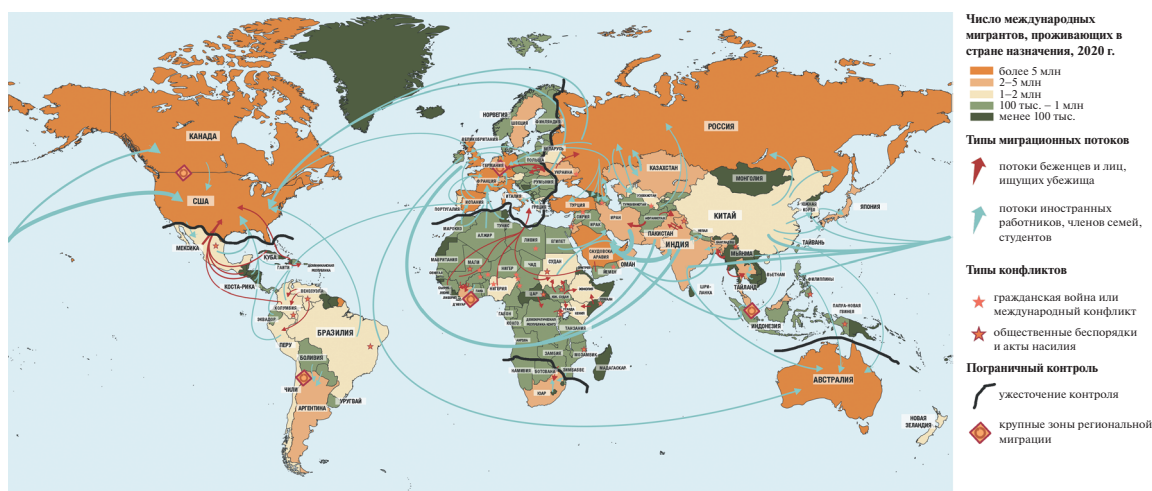

Рис. 4. Международные миграции в XXI веке
Составлено на основе [41, р. 38, 39].

ПОДВИЖКИ В ГЕОГРАФИИ ПОТОКОВ

География миграционных потоков характеризуется, с одной стороны, сильной диверсификацией маршрутов поездок, а с другой — существованием магистралей передвижений населения в условиях долговременных структурных дисбалансов. Так, асимметрия мирового развития, территориально проявляющаяся в концентрации крупных центров притяжения населения в первую очередь на глобальном Севере — в США (где, по данным ООН, в 2020 г. проживал 51 млн международных мигрантов), Германии (16 млн), России (12 млн), Великобритании, Франции, Канаде, Австралии, Испании (окрашены в коричневые тона на карте мира) (рис. 4), определяет направленность туда из разных частей мира основного массива потоков, считающихся добровольными (обозначены на карте голубыми стрелками). Формированию и укрупнению таких миграционных путей благоприятствует политика отдающих государств, в частности, организуемые ими курсы домиграционной профориентации, профподготовки, оказание соотечественникам за рубежом правовой и иной поддержки.

Подобное географическое структурирование потоков получило дополнительное обоснование в ряде концепций, в частности сетевой теории миграции, постулирующей, что рост численности мигрантов в той или иной стране и расширение сетей их связей с соотечественниками на родине благоприятствуют притоку последних, формируя цепной характер миграции (А. Портес, Д. Мэсси и др.), а также теории миграционных систем (А. Мабогунье, Дж. Фосет, А. Портес, И.В. Ивахнюк и др.), согласно которой вокруг центров притяжения населения складываются кластеры стран, между которыми существуют относитель-

но масштабные и устойчивые миграционные связи, опирающиеся на исторические связи, хозяйственные и иные отношения между странами, их культурно-языковую и географическую близость (см. рис. 4).

Однако в условиях кризиса глобализации подобный миграционный тренд корректируется нарастающей тенденцией к регионализации миграционных потоков, то есть их ориентации на регион происхождения¹⁴. Наиболее массовые региональные передвижения населения осуществляются между странами Европы, особенно на интеграционной платформе ЕС. Кризис на Украине усиливает эту тенденцию. Крупные потоки также идут из Латинской Америки в Северную. Согласно данным ООН, в XXI в. по сравнению с миграцией с глобального Юга на Север динамичнее нарастали передвижения между странами Юга, наиболее богатые из которых стали крупными центрами притяжения населения: Саудовская Аравия, ОАЭ и др. Иначе говоря, влияние на миграцию социально-экономических различий, сохраняя глобальный масштаб, становится всё заметнее на субглобальном и региональном уровнях.

Этот вектор миграционных процессов в странах Юга объясняется их социально-экономическим прогрессом, увеличением роли в мировой экономике, активизацией народно-хозяйственных связей между ними, быстрым ростом населения в Африке и многих странах Азии, обостряющим там проблему молодёжной безработицы, усилением социально-политической нестабильности, которое накладывается на ужесточение иммиграционной политики государств Севера.

¹⁴В 2020 г. примерно половина международных мигрантов проживала в регионах происхождения, в том числе около 70% в Европе и 63% в Тропической Африке [31].

Рис. 5. Крупнейшие миграционные коридоры (численность мигрантов из регионов происхождения в регионах назначения), млн мигрантов
Составлено по [32, р. 23].

С начала века в наибольшей мере, почти втрое, расширился коридор из Южной Азии в Западную, в основном за счёт роста числа приезжих работников из Бангладеш, Индии, Пакистана, Непала и Шри-Ланки в странах Персидского залива. За двадцатилетие также существенно расширились коридоры межстрановых перемещений населения в ареале Северной Африки и Западной Азии, в большой мере по причине войн и преследований (рис. 5).

При нахождении основных очагов вынужденных перемещений, как и ареалов убежища, в странах Юга, в 2005–2020 гг. наибольший абсолютный прирост численности беженцев и лиц, ищущих убежища, отмечался в регионах Северной Африки и Западной Азии, Латинской Америки и Тропической Африки. Соотношение прироста численности беженцев и лиц, ищущих убежища, и прироста всех категорий международных мигрантов составило в мире в целом 22%, достигнув 62% в Латинской Америке, 41% – Тропической Африке, 30% – Северной Африке и Западной Азии. В Центральной и Южной Азии индикатор вклада вынужденных перемещений в общее увеличение численности мигрантов превысил 200%, то есть умножение числа вынужденных мигрантов в этом регионе происходило на фоне убыли добровольных когорт¹⁵.

В отличие от беженцев, ориентирующихся главным образом на соседние страны, потоки лиц, ищущих убежища, при наличии ресурсов для дальнего переезда устремляются с Юга в страны Севера, в первую очередь в западноевропейские “цитадели” развитой демократии и политической

стабильности (вынужденные потоки показаны на рисунке 4 красными стрелками). Согласно данным УВКБ ООН, в страны Европы в среднем за первое двадцатилетие XXI в. было подано около половины мировой численности прошений о предоставлении убежища (что может указывать на направленность и интенсивность потоков, учитывая, что большинство подобных заявлений представляются при пересечении границы государства искомого убежища). Более того, в 2015–2016 гг. этот показатель превышал 70%¹⁶. При этом вынужденным перемещениям нередко сопутствуют добровольные (точнее, считающиеся таковыми), что придаёт этим потокам смешанный характер. Феномен смешанных потоков, выявленный экспертами ООН, предполагает совместные передвижения по одним и тем же маршрутам с одними и теми же миграционными паттернами разных категорий мигрантов, ищущих не только убежища, но и лучшей доли.

В развитых странах и на подступах к ним вынужденные и смешанные потоки населения постоянно вызывают миграционные кризисы, например, на американо-мексиканской границе – в 2014, 2016, 2018–2019, 2020–2021 и 2022 гг. из-за караванов недокументированных, или нерегулярных (не имеющих документов для законного въезда в США), мигрантов из Центральной Америки и Мексики, спасающихся от природных бедствий, разгула преступности, нарушений прав человека и нищеты. Подобные чрезвычайные гуманитарные ситуации неоднократно возникали в Европе: в 2015–2016 гг. вследствие гигантской миграционной волны в регион, порождённой

¹⁵Рассчитано по [14].

¹⁶Рассчитано по [42].

гражданскими войнами в Ливии и Сирии, военной интервенцией в Ирак; в 2021 г. на границе Белоруссии с Польшей и Литвой в результате скопления там беженцев из Ирака; в 2022 г. из-за крупномасштабного вооружённого конфликта на Украине и на её бывших территориях, приведшего к возникновению там крупнейшего в современном мире очага вынужденных потоков в соседние страны континента.

Миграционный кризис на Украине и вокруг неё свидетельствует о том, что в условиях глобального роста военных и экологических угроз и расширения опасных зон в их орбиту втягиваются и территории Севера. В результате Европа, традиционно позиционирующаяся в мире как важный регион назначения вынужденных потоков, теперь спустя десятилетия вновь стала регионом происхождения их немалой части. И это не преминуло сказаться в изменении географии и, соответственно, национального состава вынужденных потоков в европейские страны. Среди просителей убежища в государствах этого региона доля выходцев с Украины выросла с 0.6% в 2021 г. до 16% в середине 2022 г. (25-кратно)¹⁷.

По данным УВКБ ООН, в начале 2023 г. в Европе были зарегистрированы около 8 млн беженцев с Украины и её территорий, ставших новыми субъектами РФ. В то же время перемещения населения между Украиной и соседними странами зачастую носят маятниковый характер, реагируя на изменения ситуации в стране происхождения. С 24 февраля 2022 г. было зафиксировано почти 18 млн выездов с Украины и примерно 10 млн обратных въездов туда, не считая предшествовавших перемещений жителей Донбасса в Россию [43]. При этом изменения на политической карте Европы, связанные с вхождением в состав РФ на правах её новых субъектов четырёх бывших регионов Украины, автоматически превращают часть потоков, бывших прежде международными, во внутренние¹⁸.

Таким образом, в связке дисбалансов и мировой географии миграций заметны две подвижки. Во-первых, хотя основные направления людских передвижений с Юга на Север определяются глобальной асимметрией социально-экономического развития, происходящее расширение трудовых и сопутствующих им потоков между странами Юга говорит о повышении значимости миграционных факторов, действующих на более низком, по сравнению с планетарным, территориальном

уровне, а именно субглобальных и региональных различий в условиях жизни и труда. Во-вторых, хотя вынужденные перемещения концентрируются преимущественно на Юге, в условиях боевых действий на востоке Европы и сопряжённого с ними разрыва в безопасности жизни и других ключевых факторах жизнеобеспечения населения в разных частях континента последний сам превратился в регион массовых вынужденных переездов жителей.

* * *

Согласно теории и практике, дисбалансы в социальном развитии и положении государств и их групп не просто выступают главной движущей силой миграции, а лежат в основе практически любых передвижений населения, обуславливая закономерность последних. Однако взаимосвязь между дисбалансами и миграцией нелинейна и не вполне однозначна ввиду разнообразия и множественности этих процессов, каналов взаимодействия между ними, наложения других разновекторных факторов, усиливающих или ослабляющих, ускоряющих или сдерживающих те или иные конкретные потоки.

Существенно влияние и общего контекста появления и последующей эволюции дисбалансов, формируемого ключевыми тенденциями мирового развития. Крупные общественные сдвиги в условиях турбулентности перекрашивают палитру дисбалансов, меняя соотношение значимости существующих различий и деформаций и порождая новые. С этими процессами в значительной мере связаны как структурные, так и чисто реактивные, волатильные изменения в миграции населения, сказывающиеся в интенсивности, характере и направлениях людских потоков.

Во-первых, тенденция к сглаживанию глобального неравенства в доходах в условиях кризиса глобализации и других общественных сдвигов способствует тому, что восходящая динамика мобильности сменяется скорее колебательной, подчас даже нисходящей. Во-вторых, при сохранении за социально-экономическими дисбалансами доминирующей роли в передвижениях населения, прежде всего добровольных, повышается значимость социально-политических различий государств, особенно разрывов в безопасности условий жизни, разделяющих реалии войны и мира. Это сказывается в увеличении доли беженцев и лиц, ищущих убежища, в общей массе мигрантов, что указывает на усиление вынужденного характера современных перемещений. В-третьих, на фоне продолжающегося главенствования глобальной асимметрии мирового развития в определении миграционных магистралей усиливается действие дисбалансов регионально-уровня. В контексте регионализации (наряду с

¹⁷Рассчитано по [42].

¹⁸Кроме того, из самой России с началом СВО и особенно в период частичной мобилизации возникли интенсивные, оцениваемые разными экспертами в сотни тысяч, потоки “вынужденных туристов” в Казахстан, Грузию, Абхазию, Турцию, Финляндию и другие страны, которые позднее частично компенсировались возвратными передвижениями.

другими процессами) происходят подвижки в географии миграции, такие как более интенсивное расширение миграционных коридоров между странами Юга в сопоставлении с другими маршрутами, мощный всплеск вынужденной миграции в Европе.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность младшему научному сотруднику Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН Т.И. Хайнацкой за подготовку карты международных миграций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садовая Е.С., Сауткина В.А. Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
2. Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. Нью-Йорк: ПРООН, 2019.
3. Васин С.М., Плешакова Н.А. Дисбаланс социального и экономического развития региона: вопросы измерения и проблема противоречия // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 19. С. 38–45.
4. Багрова Е.В. Социальные дисбалансы: сущность, структура, причины возникновения, предпосылки // Гуманитарный вестник. 2017. Вып. 8. С. 1–13.
<https://doi.org/10.18698/2306-8477-2017-8-460>
5. Бородушко Е.С. Дисбалансы экономических систем как угроза экономической безопасности государства. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук. СПб.: СПбГУЭФ, 2012.
6. Tellier L.-N., Marois G. The “Invasion Peril” in Light of the Topodynamic Theory, and Some Recent Statistics // The Economic Geography of Cross-Border Migration / Ed. by K. Kourtit Cham: Springer, 2021. P. 15–32.
<https://doi.org/10.1007/978-3-030-48291-6>
7. Handbook on Measuring International Migration through Population Censuses. NY: UNSD, 2017.
8. Raymer J. Measuring flows of international migration // IZA World of Labor. 2017. № 354. P. 1–10.
<https://doi.org/10.15185/izawol.354>
9. Воробьёва О.Д., Гребенюк А.А. Сравнительный анализ отечественной и зарубежной статистической информации об эмиграции граждан России // Вопросы статистики. 2017. № 9. С. 64–73.
10. Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51.
11. Black R., Natali C., Skinner J. Migration and inequality // World Development Report 2006 Background Paper. World Bank, 2005. <http://hdl.handle.net/10986/9172> (дата обращения 1.02.2023).
12. World Social Report 2020. Inequality in a Rapidly Changing World. NY: UN, 2020. ST/ESA/372.
13. Moving for prosperity. Global migration and labour markets. Policy Research Report. Wash.D.C.: World Bank, 2018.
14. International Migrant Stock 2020. UNDESA, Population Division. POP/DB/MIG/Stock/Rev.2020
15. Глущенко Г.И. Влияние международной трудовой миграции на мировое социально-экономическое развитие // Международная экономика. 2010. № 2. С. 50–63.
16. McKenzie D. Poverty, Inequality, and International Migration: Insights from 10 Years of Migration and Development Conferences // Revue d'économie du développement. 2017. № 25 (3–4). P. 13–28.
17. Dao T.D., Docquier F., Parsons C., Peri G. Migration and Development: Dissecting the Anatomy of the Mobility Transition // Journal of Development Economics. 2018. № 132. P. 88–101.
18. Baudassé T., Bazilier R., Issifou I. Migration and institutions: exit and voice (from abroad)? // Journal of Economic Surveys. 2018. V. 32 (3). P. 727–766.
19. Aziz N., Chowdhury M., Cooray A. Why do people from wealthy countries migrate? // European Journal of Political Economy. 2022. V. 73. Is. C. Article number 102156.
<https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2021.102156>
20. Ryazantsev S., Bragin A. The Influence of Political and Economic Factors on Emigration from Russia to Europe // Journal of Population and Social Studies. 2023. № 31. P. 152–169.
21. Global Trends in Forced Displacement – 2021. Copenhagen: UNHCR, 2022.
22. Fransen S., de Haas H. Trends and Patterns of Global Refugee Migration // Population and Development Review. 2022. № 48 (1). P. 97–128.
23. de Haas H. The internal dynamics of migration processes: a theoretical inquiry // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. № 36 (10). P. 1587–1617.
24. Plotnikova M., Ulceluse M. Inequality as a driver of migration: A social network analysis // Population, Space and Place. 2021. Special Issue. Paper e2497. P. 1–12.
<https://doi.org/10.1002/psp.2497>
25. Global Trends in Forced Displacement – 2020. Copenhagen: UNHCR, 2021.
26. International Migration Outlook 2022. Paris: OECD Publishing, 2022.
<https://doi.org/10.1787/30fe16d2-en>
27. International Migration Outlook 2016. Paris: OECD Publishing, 2016.
28. Dennett A. Estimating an Annual Time Series of Global Migration Flows – An Alternative Methodology for Using Migrant Stock Data // Global Dynamics: Approaches from Complexity Science / Ed. by A. Wilson. Chichester: Wiley, 2016. P. 125–142.
29. Chancel L., Piketty T. et al. World Inequality Report 2022. World Inequality Lab, 2021.
https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2022/03/0098-21_WIL_RIM_RAPPORT_A4.pdf (дата обращения 20.01.2023).

30. *Abel G., Cohen J.* Bilateral international migration flow estimates for 200 countries. Version 6: Update for WPP2022. 2022. <https://guyabel.com/publication/bilateral-international-migration-flow-estimates/#version-6-update-for-wpp2022> (дата обращения 10.02.2023).
31. *Piketty T.* A Brief History of Inequality. Harvard: Harvard University Press, 2022.
32. International Migration 2020 Highlights. NY: UN, 2020.
33. New threats to human security in the Anthropocene Demanding greater solidarity. Special Report 2022. NY: UNDP, 2022.
34. *Herre B., Roser M.* Democracy. <https://ourworldindata.org/democracy#> (дата обращения 10.12.2022).
35. Global Peace Index 2020: Measuring Peace in a Complex World. Sydney: IEP, 2020.
36. Доклад о человеческом развитии 2020. Следующий рубеж. Человеческое развитие и антропоцен. Нью-Йорк: ПРООН, 2020.
37. Glossary on Migration. Geneva: ИОМ, 2019.
38. *Цапенко И.П.* Вынужденная мобильность и имобильность в турбулентном мире // Вестник РАН. 2021. № 9. С. 820–830. *Tsapenko I.P.* Forced Mobility and Immobility in a Turbulent World // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2021. № 5. P. 525–535. <https://doi.org/10.31857/S0869587321090103>
39. *Shaver A. et al.* The Causes and Consequences of Refugee Flows: A Contemporary Re-Analysis // ESOC Working Paper. 2022. № 29.
40. Global Internal Displacement Database. <https://www.internal-displacement.org/database/displacement-data> (дата обращения 10.02.2023).
41. Diercke International Atlas. Braunschweig: Westermann, 2021.
42. UNCHR Refugee data finder. <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=eLJ068> (дата обращения 10.12.2022).
43. Ukraine Refugee Situation. <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения 20.01.2023).